

Яя Володарская
Дороже только снег

16+

Яя Володарская
Дороже только снег

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Яя Володарская

Дороже только снег / Яя Володарская — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Для незрелых взрослых. Прекрасная обительница воздушного города-платформы - Айкон вдруг испытывает незнакомые чувства к прибывшему с Земли ученому центра имени Тесло- те, чувства, которые жители платформы искореняют с помощью вакцины Делав, считая любовь патологическим состоянием человекозависимости. Нелегкий выбор ставит жизнь перед влюбленными: разумное, размеренное существование или готовность преодолеть препятствия и расстояния, пройдя нелегкий путь, чтобы воссоединиться с любимым. Погрузитесь вместе с главными героями в фантастические пейзажи, наполненные лимонным солнцем, симфонией облаков, голографическими аллеями. Диалоги главных героев и домашнего философа Морасявы наполнены юмором, рассуждениями о смысле жизни, любви и бренности бытия.

© Яя Володарская, 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Яя Володарская

Дороже только снег

Глава 1. Город -сказка, город- мечта.

*«Я скучаю по Айкону, я скучаю
Пусть твердят мне, что Айкона не бывает,
Не бывает, чтоб воздушные балконы,
А я скучаю, я скучаю по Айкону...»*

Книга получилась в результате моего делового отчёта о командировке на территорию воздушного города-платформы Айкон, который трансформировался сначала в дневник, а затем в автобиографическую повесть. Уже давно летающие платформы перестали быть просто производственными и перерабатывающими базами и превратились в полноценные мегаполисы, из которых наиболее живописным и привлекательным был Айкон. Особенное внимание к нему было приковано благодаря Межгалактическому Научному Центру имени Тесло, где находились кафедры ведущих Вузов, современные медицинские лаборатории и космические станции. Здесь на свет появлялись новые технологии, меняющие мир: вакцина Делав, персонализированные голограммы, беспроводное электричество, синтетическая вода и другие. Помимо этого, теплая атмосфера, чистый воздух, потрясающая архитектура и пейзажи делали Айкон самым привлекательным местом для жизни во всем космическом пространстве. Но чтобы стать Айконцем, необходимо было обладать совсем не толстым кошельком, а чистым сознанием. Идеология Чистого Сознания была практически религией жителей платформы. Будущее человечества строилась на постулатах разумности и гуманности. На Айконе жили люди, не знающие чувства любви или привязанности, так как это лишало человека главной идеологической характеристики –разума. Происходило это по причине массовой вакцинации населения платформы от человекозависимости Делав -открытие, за которое была присуждена Вселенская премия имени Тесло в области медицины. Такой подход был сначала продиктован необходимостью контроля массы на платформу и сильно ограничивал рождаемость живущих на ней, затем отсутствие душевных переживаний стало главным постулатом идеологии Чистого сознания.

Открытие непредвиденно получило огромную популярность и у жителей Земли. Получить вакцину желали практически все, кто переживал неразделённые чувства. Положительный эффект от лекарства превзошел все ожидания учёных: снизилось количество суицидальных случаев, увеличилась производительность труда, имел место интеллектуальный и технический прогресс. Также врачи настоятельно рекомендовали инъекцию Делав всем, планирующим посетить платформу, что я с деловой точностью выполнил добровольно. Мне, простите, хватило Галки, а девушки Айкона были необычайно хороши собой. Легкая гравитация делала их хрупкими и изящными, бело- лимонное солнце придавало коже прозрачный оттенок, а волосам нити белого золота. Их холодное сердце могло разбить жизнь любого землянина вдребезги. Здесь не помогали ни стихи, ни песни, ни подарки, ни другие методы, отработанные с земными женщинами.

Хоть я считал себя умеренно сентиментальным, и был на Айконе уже не первый раз, тем не менее, сердце мое замерло на доли секунды, затем быстро затрепетало вновь, когда Антигрейв снизил высоту и мягко вошел в густое облачное пространство. В обрывках облаков, я разглядел «торт корзиночку». Абсолютно круглая форма города-платформы, обрамленная высокими белоснежными перилами, с воздушными и витиеватыми зданиями, напоминал известный торт с безешками внутри. «Корзиночка» стала очаровательным символом Айкона, печаталась на государственных документах и флаге. Сувенирные лавки продавали Корзиночку в виде магнитиков и даже выпекали фирменный десерт. Другой особенностью

Айкона была возможность застройки в нижний ярус. Соблюдая пропорции в строительстве прозрачных небоскребов, архитекторы добились впечатления зеркального отражения. Что и говорить, наверное, не было на Земле ни одного человека, который не мечтал бы жить в этом райском местечке под солнцем!

В день прилета, я прямым ходом направился в Центр Тесло, где должен был присутствовать во время доклада Руководителя земных специализаций. Центр Тесло достоин отдельного описания, наверное, целой главы, и я обязательно расскажу все, что увидел и узнал. А сейчас скажу только, что пока шел до конференц зала, мне показалось, что прошло не менее десяти гигабайт или десять земных дней. Время на Айконе исчисляли в двоичной системе: минутами и битами. В основу отсчёта было положено количество объема информационной и стрессовой нагрузки, потребляемого человеком, которое регулировалось накопительными нейронными счетчиками. Таким образом, время стало индивидуально, персонализировано. Для каждого оно имело свой ритм и ход, тянулось или бежало. В среднем, один мегабайт равнялся одному земному часу, один гигабайт одному дню, неделя равнялась одному Тетрабайту, календарный земной год соответствовал Йоттабайту. Человек, рождённый на платформе, имел в отличие от землянина, две графы в паспорте: возраст по Земному календарю и возраст индивидуальный. Так, перерабатывающий сверхнормальной нагрузки человек, что проживал, как говорят на Земле «год за два», уходил по мере истощения нейронных запасов на заслуженный отдых для восстановления разумности, либо проходил полную перезагрузку.

Итак, я был 42 x земных лет, а уж на самом я переработал и пережил, наверное, не менее семидесяти Йоттабит, (половину, из которых, мне точно вытрепала Галка), я не пересчитывал, если честно. Вообще, с тех пор, как Галка «накрутила мне хвоста» с заведующим кафедрой, и мы развелись, мне стало все равно сколько мне лет или бит. Я был настроен больше не расходовать свою жизнь на женские истерики и посвятить себя полностью науке, а именно профилактике распространения межгалактических инфекций. Диссертация была почти готова, и ждала не первый йоттабит, простите, год, когда я закончу страдать по Галке. Айкон, как территория покоя и размеренности, был идеальным местом для меня.

В свой первый день своей самой длительной командировки на Айкон, я первый раз увидел Яю. (...ее имя я узнал, конечно же, чуть позже), и вот при каких обстоятельствах. В тот момент, когда я зашёл в зал, отчёт уже начался, я сел на свободное кресло почти в полной темноте. Рядом кто-то зашевелился. Я повернул голову и увидел целый ряд аккуратненьких девичьих головок в белых шапочках. «Студентки Медицинского Межгалактического Университета», понял я и вновь почувствовал себя совсем юным, мгновенно вспомнив годы трудной и интересной учебы на «Факультете межгалактических болезней» и, даже, стал вести себя как студент: протянул руку к ближайшей голове и погладил ее, чтобы убедиться, что это не голограмма, и ... почему-то захихикал. Девушка вскочила, строго посмотрела на меня и, сев на свое место, отвернулась. Я хотел извиниться, но мне было видно только кончик курносого носика, длинные ресницы и прядь волос, выбившихся из-под белой шапочки. Волосы девушки были цвета не белого золота, а очень солнечного, рыжего оттенка, что крайне редко встречался у рожденных на платформе. Казалось, что они, как светлячок, излучали теплый свет. Доклад был утомительно долгим, перегруженным статистикой. В общем, усталый от перемещения, я запомнил только, что в ближайшие десять йоттабит, действие вакцины Делав позволит продлить ее эффективность пожизненно. В другой раз, я непременно бы оппонировал докладчику с демографическим вопросом, а сейчас я был спокоен, как удав, и мне, теперь, казалось очень разумным (! вот и я стал употреблять это слово к месту и не к месту) отсутствие этих треклятых душевных трепыханий.

После доклада двери распахнулись, и слушатели медленно пошли к выходу в направлении Ботанического Голографического Зала, где был накрыт фуршет. Пошел со всеми и я, так, от скуки.

Липовая аллея, ведущая к клумбе пиксельных роз, была необыкновенно хороша и реалистична. Огромные вековые голографические деревья шевелили листьями и «источали» сладкий, тонкий, успокаивающий аромат. Слышались соловьиные трели. Это была самая главная неточность, очевидная для рождённых на Земле. Липы цветут гораздо позже, чем поет соловьиный птичий хор, но иллюзия была так прекрасна, что этот факт становился неважным. Я испытывал огромное наслаждение от своей вакцинации. Это, знаете, как иммунитет: ты можешь делать все что угодно, и тебе за это ничего не будет. Давно я не был так весел! Вальяжно откинувшись на ажурную лавку в Университетском Ботаническом саду, я размышлял сколько плюсов дает разумная (вот опять, я стал употреблять это слово к месту и не к месту!), размеренная и свободная от чувств жизнь. Сколько открытий можно совершить, с какой скоростью двинется технический прогресс с помощью человека, не отвлекающийся на собственный душевный анализ!

«Белые шапочки» с любопытством разглядывали меня, и даже, пытались провоцировать на проявление чувств. Их забавляло это, чувства для них были нечто вроде игры. И только девушка с рыжими волосами не строила искусственно мне глазки, одергивая своих сокурсниц. «О, ну эта красотка, видимо, не менее Пятого уровня Разумности», подумал я. Высшие ступени разума предполагали полное понимание природы тех эмоций, которые лично тебе неизвестны.

В Ботаническом саду давали пионовый лимонад. К стойке с пьянящим ароматом выстроилась целая очередь белых шапочек. Айконцы получали еду и другие материальные блага в обмен на добрые дела, то есть злой, не отзывчивый человек рисковал здесь умереть с голода.

Рыжая девушка приложила карточку со списком добрых дел к стойке.

– Минус три. Остаток на карте: пять ДД (добрых дел).

– С ума сойти! Ну и цены! Дороже только снег! Возмущенно воскликнула моя незнакомка.

– Не сердись, Яя! Пионы нынче плохо цвели, вот и дорого... успокоила ее подружка.

Яя... Яя... – я еще долго сидел на лавке, после того как белые шапочки убежали. А почему снег? Вдруг подумал я. Снега никогда не бывает на теплом Айконе, который подогревается солнечными батареями, словно теплые полы, из-за чего и получил у землян еще одно прозвище «сковородка». Зачем же им снег? пожал плечами я, решив непременно завтра выяснить у коллег и направился к выходу.

Несмотря на усталость от перемещения, я был в нетерпении совершить прогулку по центру Айкона. Я специально отказался от более удобного местоположения, выбрав гостиницу далеко от научного центра Тесло для того, чтобы каждый день по дороге на работу наслаждаться сюрреалистичными городскими пейзажами. Я очень любил бесцельно бродить по улицам. Особые ощущения я испытывал в путешествии, когда ты уже не здесь, но еще и не там, словно выпал из времени, из установленного порядка событий. Для меня это также был взгляд со стороны на собственную жизнь, словно бы я читал книгу или смотрел фильм, где в конце выяснялось, что главным героем был я сам. Удаляясь от родного дома, я все больше дистанцировался сам от себя. На Земле я передвигался на магнитопоезде. Поезд казался мне мини моделью упорядоченного общества, где человеческие жизни «укладывались» по компактным ячейкам. Прибывая в новый город, я был любопытен. Экскурсии в группе туристов утомляли меня, придавали искусственность и пафос происходящему. Необходимую информацию, я получал в аудио путеводителях. Настоящим наслаждением для меня было свернуть с широких проспектов, за «спиной» достопримечательностей, где я окунался в мир узких улочек и уютных дворишков. Я заглядывал в парадные через открывающиеся двери, когда кто-то выходил или заходил, ловил запахи из открытых форточек, разглядывал людей, мелькающих перед окнами. О, сам же я бы страшно раздражался, если бы кто-то заглядывал ко мне в окно, но мое любопытство было непреодолимым, оно было наблюдательным и созерцательным. Каждый раз, я пытался представить себе, как протекала бы моя жизнь, живи я, например, в этом городе, вот здесь, на

этой улочке с флорентийским акцентом. Был бы я такой же как сейчас или другой? Пройдя через весь голографический сад, я вышел с другой стороны центра Тесло и направился по широкому проспекту Мира. Эта была двухсторонняя дорога, покрытая гладким блестящим изумрудным покрытием. Над ним, в тридцати-сорока сантиметрах, мягко скользили электро-мобили, похожие на разноцветные гондбольные мячи. Чуть выше, по магнитным невидимым трассам парили такие же «мячики». Вдоль проспекта торжественно возвышались высокие здания в стиле барокко, с фигурными колоннами, узорными наличниками и белоснежными балюстрадами. Центр Айкона около ста земных лет назад застраивали итальянские архитекторы по чертежам эпохи Возрождения. Здесь то и дело встречались: четкая система колонн с неровной, волнами поверхностью стен, разорванные фронтоны, утонченный декор и обязательно атланты. Итальянский стиль, как нельзя более точно, подходил к эстетическому вкусу Айконцев, которые любили все изящное и возвышенное. По пешеходным зонам вдоль дороги, сновал разношерстный народ: прямые, с гордо поднятой головой, подтянутые айконцы, туристические группы с Земли, белые воротнички, вышедшие глотнуть чистого воздуха и просто зеваки. Уютные кафе окутывали запахами кофе, пионового лимонада, жареного миндаля, и свежей выпечки. Около открытой лавки, с выдвинутой прямо на улицу витриной с фруктами, стоял черноглазый мальчик. Он был дорого одет.

–Земные фрукты, овощи... сочные персики, отборный виноград, кукуруза, – деловито выкрикивал он. Айконцы очень любили сладкие земные фрукты и сочные овощи, наполненные ярким, богатым вкусом плодородной почвы. Достичь такого вкуса при выращивании на искусственном грунте было невозможно. Земные продукты стояли немало и мало кто мог позволить их себе каждый день.

–Угости- ка меня гранатом, а? вчера я плохо себя чувствовал и не сделал ни одного доброго дела, а я уже очень давно хочу гранат. –Раздался рядом со мной пожилой голос. Около лавки с аппетитным ароматом персиков, вишни, сливы, медовой дыни, стоял, по всей видимости, пожилой человек с очень прямой осанкой. Это была особенность коренных жителей Айкона – легкая гравитация не гнула их спины. Он смотрел на изобилие даров природы, аккуратно разложенных по ячейкам, словно неизвестный художник выложил свою палитру- иссинечерный виноград, оранжево солнечные персики, мятно зеленые яблоки, бардовый гранат, и коралловые, чуть розовые, прозрачные груши ... Мальчик оскалился и сказал, изображая из себя взрослого:

–Знаю я эти ваши штучки, я не Айконец, меня не проведешь,– И отвернулся.

Из лавки выскочил пожилой мужчина с такими же черными глазами и вlepил подзатыльник маленькому грубияну:

– Не смей грубить! Еще одно такое происшествие и нас могут выдворить как пробку с этого райского местечка обратно на Землю! -И, услужливо улыбаясь, подал самый крупный и спелый гранат добродушному мужчине.

Я свернул с проспекта Мира в узкие пешеходные улицы и оказался в маленьком дворике, чем-то напоминающем Пьяцца де Мираколи в Пизе. Двор был выложен мраморной полированной крошкой, в которой как в озере, отражался абсолютно белоснежный дом- «зефирка». Я мгновенно «прицепил» изящному архитектурному сооружению имя. Дом был трехэтажный. Около каждого окна имелся открытый полукруглый балкон с балюстрадами. Благодаря ажурным картушам, молдингам, и капителям с мягкими кондитерскими складками, дом терял вес и монументальность. «Зефирки», венчающие мансарду, придавали воздушность и романтичность архитектурному замыслу. Я любовался. Вдруг дверь дома открылась и из нее вышла грузная усатая женщина с довольно потрепанной авоськой (такие авоськи все еще были в ходу на земле у женщин, занимающихся сельским хозяйством), с хрустом раздавливая мои возвышенные визуализации. Это было разочарование. Мне казалось, что в доме- «зефирке» должны жить люди-эльфы, дюймовочки, или, в крайнем случае, бальзаковские дамы. А собственно

говоря, почему я так решил? Почему сознание все время что-то додумывает вместо меня, видоизменяя реальность? "Вот точно так было у меня и с Галкой! Галка была для меня «зефирка», из которой потом «вылезла» приземленная и расчетливая женщина", подумал я. Покружив, по романтическим дворикам с кованными бронзовыми фонарями, излучавшими теплый мягкий зеленоватый свет, голографическими клумбами и запахами а ля Шанель, я вновь вышел на проспект. Так как на Айконе всегда было тепло и светло, за исключением «Территории Ночь», фонарики служили эстетическим наполнением пространства. Чтобы свет фонарей был более различим, он имел зеленые оттенки, и казалось, что в стеклянной коробочке живет маленький светлячок. На мгновение я подумал, что заблудился, но, увидев, справа от себя высокую длинную лестницу из бирюзового камня, ведущую на второй уровень платформы, я успокоился, так как моя гостиница находилась прямо рядом с переходом, наверху. У подножия лестницы, около шупленького маленького прямого айконца, столпилась группа туристов с Земли. Я подошел поближе, стараясь остаться незамеченным. Но экскурсовод увидел меня, и широко улыбаясь, не останавливая свою речь, жестом пригласил меня в круг, послушать его рассказ. В этом была суть характера коренного айконца. Добродушные, не отравленные промышленными выбросами и агрессией, они имели не только чистое сознание, но и чистое сердце, по этой причине часто оставаясь «облапошенными» меркательными и хитрыми землянами. Экскурсовод продолжал: «градостроительный план Айкона с его многоуровневыми дорогами и переходами был спроектирован по подобию Идеального города Леонардо да Винчи. В новом городе Леонардо должно было быть просторно, светло и чисто. Однако Леонардо нельзя назвать демократичным – он спроектировал город так, чтобы дворяне, купцы и ремесленники селились раздельно, этакий апартеид Возрождения. Самый большой новаторский принцип, предложенный Мастером в его городе будущего, – постройка улиц на двух уровнях. Такое решение позволяло жителям беспрепятственно передвигаться, не задерживаясь на перекрестках. Верхние улицы, разумеется, предназначались для людей знатных. Оба уровня должны были соединяться специальными лестницами.»

Я отделился от толпы землян. Подняться можно было и на лифте, но лестница была так великолепна, что я решил воспользоваться именно этим способом. Прозвительно голубой цвет бирюзы, был выбран архитектором не случайно- переливы ступеней создавали иллюзию морской волны, позолоченные перила отражались в небесного цвета камне, имитируя солнечные блики. Вообще, у Айконцев, были невероятно популярны морские мотивы, так как вода была главным дефицитом городов-платформ. Я отсчитал сто пятьдесят ступеней вверх. На вершине, по обоим сторонам лестницы, на высоком пьедестале, красовались две чайки из белого мрамора. Птицы были изображены скульптором в момент взлета, так, что крылья их были широко расправлены, а устремленная в небо, гордая головка заканчивалась клювом, словно остро заточенный карандаш. Одна лапка еле касалась пьедестала, а другая уже оторвалась от земли. Перья были проработаны мастером настолько тщательно, что превратили твердый камень в легкий, невесомый пух. Было впечатление, что еще секунда и чайки резко вспарят ввысь, гулко хлопнув широкими крыльями как простыней.

Усталость я не чувствовал, то ли по причине легкой гравитации, то ли от впечатлений, но как только, в гостинице, моя голова моя коснулась подушки, я погрузился в глубокий, словно голографический сон. Смыкая веки, и, погружаясь в тягучее, липкое пространство, я слышал, как шурша, будто шины земных электромобилей, на окна медленно опускались жалюзи, имитируя ночь.

Глава 2.

Мапа, Кронский и Алиса.

На работу я опоздал. Сначала я побежал, рассчитывая на лёгкую гравитацию, также лёгкая пробежка была необходима мне для поднятия рабочего настроения. Поняв, что I am late,

я запрыгнул на ближайшей остановке в аэробас. В центре общественного транспорта, стоял радостный Айконец и размахивал купонами на бесплатную проверку на наличие любви.

– Вот, вы дорогой друг, когда проверяли себя на любовь? – тут же накинулся на меня с вопросами кипучий энергией общественник.

– Я ученый, я привит несколько дней назад, и моё сознание чисто.

Пассажиры заплодировали мне.

– Как вы приняли это решение?

– Я был женат.

– А, бросили жену, наскучила?

Я чувствовал себя звездой, у которой берут интервью, постепенно залезая под чужое одеяло неудобными вопросами.

– Совсем наоборот.

Пассажиры, ставшие невольными зрителями, жалостливо вздохнули.

– Тогда для вас, пострадавший гражданин, подарок бам, бам! "и, восторженный общественный деятель запрыгал от радости. – Вам бесплатная новая программа по формированию личности Мапа. Вы хотите стать Мапой?

– Кем? , Тут я чуть не поперхнулся, чтобы не означало это комичное слово, мапой я точно быть не хотел.

– Родитель, личность, воспитывающая молекулярного ребёнка, мама и папа в одном лице.

– Я подумаю, ответил я, стараясь быть тактичным и забрался в угол аэробаса подальше от любопытных сочувствующих глаз.

В центре Тесло, в изоляторе, меня ждали больные. Мне предстояло установить инфекцию, от которой пострадали двенадцать жителей Айкона, найти лечение и провести профилактические мероприятия для предотвращения эпидемии. Собственно говоря, именно эти люди и были целью моего прибытия на Айкон. Вот и я кому-то очень пригодился! До этого момента я был доктор, у которого почти не было пациентов, так как моя профессия была до сей поры чисто теоретическая, но, безусловно, романтическая – специалист по межгалактическим инфекциям! Медицина, галактика, неизвестные далекие цивилизации... Почти двадцать лет назад, в годы учебы, мой юношеский мозг жаждал приключений, сердце трепетало от предвкушения открытий... Но мой дорогой читатель! Здесь я, увы, вынужден разочаровать тебя. Нет, я не скажу, что мы нашли разумную жизнь во вселенной! Нет. Но именно межпланетные инфекции стали первым свидетельством существования живой плоти. Разумной или нет, нам еще, видимо, предстоит узнать. Первая встреча с инопланетной инфекцией, когда-то хорошо известной и землянам, была неожиданной. Пятьдесят лет назад на территории Айкона было зарегистрировано 124 случая бубонной чумы! Это было невозможно! На процветающем, теплом и чистом Айконе, редким заболеванием считался простой грипп! А с тех пор как на Земле победили рак, инсульт, ревматоидный артрит, СПИД, и сахарный диабет, мы мечтали о полном отсутствии опасных заболеваний у человека, которые бы могли сократить его жизнь. А тут чума! Последняя встреча с *Yersinia pestis* – зоонозной бактерией, присутствующей в организме мелких млекопитающих и живущих на них блох, датирована 2015 годом. (Теперь же, последняя коварная Ирсиния «жила» у меня в чашке Петри в Центральном Научно-исследовательском Институте, в Москве, в запечатанном сейфе, под строжайшей охраной.) Во время той эпидемии на Айконе, лечение и профилактические мероприятия проводил мой учитель, профессор Рассел, талантливый, и тогда еще очень молодой ученый. На лекциях со студентами, Рассел признавался, что время, потерянное на распознавание древней, мутированной инфекции, стоило жизни пяти человек. О том, что он рисковал и своей жизнью, Рассел не говорил. После воспоминаний об Айконе, профессор всегда выходил из аудитории и не было его долго, до получаса. Возвращался он уставший и какой-то обреченный. Что и говорить, я горжусь, что учился у него! (Кстати, он и теперь упорно работал и пригласил меня извещением на свой

доклад, который должен был состояться в ближайший месяц в научном центре ТЕСЛО). В те годы, после проведения массовой вакцинации от чумы жителей Айкона, начались активные поиски очага инфекции. Ученые находили все новые и новые штаммы уже известных нам вирусов и бактерий, которые оседали на внешней стороне искусственной атмосферы Айкона, но никого не видели. Только инфекции. Выходило так, что рядом с нами кто-то чихал и кашлял, а мы не знали кто и где. Грубые, мутированные штаммы древних, когда-то встречающихся и на Земле инфекций, свидетельствовали о том, что рядом с нами должна была находиться цивилизация, полностью идентичная нашей, с аналогичным составом крови и биологических жидкостей, но еще не знакомая с элементарными лекарственными средствами, гигиеной и антибиотиками! Поняв, что нас ждет встреча с дикарями, мы остановились. Финансирование Программы по поиску инопланетных цивилизаций было прекращено. А ведь мы могли помочь им! Теперь только энтузиасты, вроде меня, занимались межпланетными проблемами. Боже мой, как же мы все еще далеки от истины, находимся в неведении и путаемся в догадках. Наше время, без войн, болезней и голода, я уверен, в будущем назовут Золотым Веком Расцвета Земли.

Боясь распространения инфекции, профессор Кронский поместил больных в довольно уютный, просторный, но все-таки изолятор. Я быстро минул его кабинет, чтобы он не заметил моего опоздания и направился сразу к пациентам. В изоляторе находилось двое мужчин среднего возраста - чистокровные айконцы, женщина с ребенком лет семи и пожилая земная дама, получившая почетный статус жительницы Айкона за вклад в миротворческую программу. Первым я осмотрел мать с ребенком. Молодая женщина с напряженным лицом и тревожным взглядом, мгновенно вскочила, когда я открыл дверь в палату. Мне стало неудобно за свое опоздание, по всем жестам видно было, что она ждала меня с большим нетерпением. Вообще, я ни разу не видел у айконцев такого выражения лица. Обычно доброжелательные с ясными, широко открытыми глазами, они излучали само спокойствие. Я вымыл руки и принялся осматривать семилетнего шалуна, который с большим удивлением и любопытством смотрел на мой белый халат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.